

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ, КАКЪ ЖИЗНЕННЫЙ ФАКТОРЪ.

(Опытъ психологическаго истолкованія литературныхъ типовъ.)

I.

Психологія и художественная литература.

Художественная литература представляет огромный психологическій интересъ. Она даетъ неисчерпаемый матеріалъ для психологическихъ наблюдений и анализа.

Какъ извѣстно, основнымъ источникомъ психологическихъ свѣдѣній является самонаблюденіе. Трудность и недостаточность этого метода очевидны. Непосредственно переживаемыя психическія состоянія не подлежатъ наблюдению и анализу. Психическая энергія всецѣло уходитъ на процессъ переживанія тѣхъ или иныхъ душевныхъ явленій. Всякая попытка совмѣстить въ одномъ актѣ — и переживаніе и наблюденіе надъ нимъ влечетъ за собой перерывъ въ изслѣдуемомъ процессѣ, дробленіе его на отдѣльные, другъ друга смѣняющіе моменты — вслѣдствіе того, что вниманіе колеблется между актомъ непосредственнаго переживанія и задачей психологическаго наблюденія.

Такимъ образомъ, строго говоря, не переживаемыя, а лишь пережитыя психическія состоянія могутъ быть предметомъ наблюденія и изученія. Не текущая, животрепещущая ткань душевныхъ процессовъ, а лишь событія болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, факты минувшей душевной жизни — вотъ каковъ матеріалъ психологіи. Но воспроизведеніе истекшихъ моментовъ душевной жизни, эти, такъ сказать, археологическія раскопки въ толщѣ напластованій человѣческой души не могутъ въ полной мѣрѣ обезпечить подлинности добываемаго матеріала, его реальной жизненности и полновѣсности, его равноцѣнности съ дѣйствительными, непосредственными переживаніями. Воспроизведенныя психическія состоянія, вызван-

ныя изъ подсознательной области актомъ воспоминанія, лишены крови и красокъ и потому могутъ быть уподоблены тѣмъ безжизненнымъ тѣнямъ, которыя произвели на Одиссея въ аду столь удручающее впечатлѣніе.

Но методъ самонаблюденія представляетъ еще одно крупное неудобство. Тотъ матеріаль, который добывается этимъ методомъ, доступенъ въ моментъ наблюденія лишь о д н о м у лицу, составляя содержаніе его личнаго, индивидуально-замкнутого опыта. Для провѣрки результатовъ такого субъективнаго наблюденія другое лицо должно вызвать изъ своего собственнаго опыта психическія явленія, подобныя тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такимъ образомъ, психологическія обобщенія по методу самонаблюденія строятся на основаніи разрозненнаго мозаичнаго матеріала, который слагается изъ переживаній индивидуально-непроницаемыхъ сферъ. Если же принять во вниманіе все своеобразіе и неповторимость каждаго индивидуальнаго переживанія, то понятной становится трудность психологическаго изслѣдованія и скромность достигнутыхъ въ этой области успѣховъ.

Узкая сфера индивидуальнаго опыта значительно расширяется откровеніями художественнаго творчества. Въ лучшихъ произведеніяхъ художественной литературы мы находимъ такое глубоко-интимное проникновеніе въ тайны душевной жизни человѣка, которое далеко выходитъ за предѣлы не только обыкновеннаго психологическаго чутья, но и научныхъ анализовъ и экспериментовъ. Это — плодъ непосредственной интуиціи, художественнаго перевоплощенія, того обостреннаго духовнаго зрѣнія, какимъ одарены лишь немногіе избранники. Ихъ творенія и являются лучшими психологическими изысканіями, имѣющими равно высокій теоретическій интересъ и серьезное жизненное значеніе.

Въ художественныхъ произведеніяхъ мы находимъ изображеніе душевной жизни во всей ея непосредственной красочности, конкретной сложности и индивидуальномъ своеобразіи. Мы видимъ передъ собой, какъ бы въ непосредственномъ переживаніи — не призраки, не тѣни, не жалкія, мертвыя отвлеченія и обрывки воспоминаній, а полную, подлинную психическую жизнь, захватывающую насъ своимъ горячимъ трепетаніемъ, подавляющую нерѣдко своимъ реализмомъ, своимъ богатствомъ. Наши непосредственныя переживанія кажутся иногда болѣе блѣдными и мертвыми, чѣмъ тѣ психическія состоянія, съ которыми мы знакомимся въ художественныхъ произведеніяхъ. Поэзія нерѣдко бываетъ болѣе насыщена элементами реальности, чѣмъ сама дѣйствительная жизнь.

Изобразивъ въ своемъ произведеніи со всей правдивостью художника психическую жизнь человѣка, гениальный писатель тѣмъ самымъ какъ бы освободилъ эту жизнь изъ-подъ двойной власти: в р е м е н и и с у б ъ е к т и в н о й з а м к н у т о с т и , т. е. нѣчто по существу текущее, непрерывно-люющее и исчезающее, — чѣмъ является психическая жизнь, — обратилъ въ неподвижное явленіе, застывшій въ своемъ движеніи потокъ, вѣчно-неизмѣнный и пребывающій, — чѣмъ является художественное произведеніе; кромѣ того, — то, что было открыто лишь непосредственному субъективному сознанію одного лица, художникъ сдѣлалъ доступнымъ объективному наблюденію многихъ и тѣмъ въ сильной мѣрѣ облегчилъ психологическій анализъ. Такимъ образомъ, художественныя произведенія оказываютъ огромныя услуги чисто-психологическому изслѣдованію, расширяя рамки личнаго опыта и внося поправки въ работу самонаблюденія.

II.

Подсознательное въ психологiи.

Одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ душевной жизни, въ которомъ вполне обнаруживается какъ недостаточность самонаблюденія, такъ и значеніе художественной литературы, это — область такъ называемыхъ подсознательныхъ явленій. Еще у Лейбница мы находимъ ученіе о мало интенсивныхъ психическихъ состояніяхъ (*perceptions petites*), которыхъ въ нашей душѣ всегда безчисленное множество и изъ которыхъ слагаются сознательные процессы душевной жизни (*grandes perceptions*). Однако было бы ошибочно думать, что Лейбницъ «видитъ разницу между сознательнымъ и безсознательнымъ лишь въ интенсивности. Говоря о безсознательныхъ перцепціяхъ, онъ постоянно прибавляетъ, что это состоянія, которыхъ мы не замѣчаемъ, на которыя не обращаемъ вниманія, которыя не вспоминаются и не заключаютъ въ себѣ *connaissance reflexive*, составляющаго характерную особенность апперцепціи. Слѣдовательно, недостатокъ интенсивности есть лишь условіе, затрудняющее вниманіе, но и то не единственное: очень часто Лейбницъ говоритъ о безсознательномъ, какъ о спутанномъ, неразличенномъ, вовсе не упоминая объ интенсивности, такъ что для него существенный признакъ безсознательнаго, повидимому, заключается въ томъ, что оно не опознано монадою. Впрочемъ, это ученіе изложено у Лейбница сбивчиво, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ рационалистъ, проявляетъ наклонность разумѣть подъ всякимъ со-

стояніемъ сознанія — знаніе». (Лосскій: «Основныя ученія психологій съ точки зрѣнія волюктаризма», изд. 2-е. С.-Пб. 1911 г. 93 стр.).

Лишь во второй половинѣ XIX вѣка явленія подсознательной сферы стали привлекать къ себѣ усиленное вниманіе психологовъ и широкихъ круговъ образованнаго общества. Этому немало способствовалъ Э. Гартманъ, построившій цѣлую философскую систему на ученіи о безсознательномъ. Болѣе отчетливое и научное представленіе объ интересующихъ насъ явленіяхъ душевной жизни мы находимъ у психологовъ волюктаристическаго направленія. Одинъ изъ видныхъ представителей этого направленія, Лосскій отождествляетъ «безсознательное» съ «неопознаннымъ». По его мнѣнію, необходимо строго различать сознаніе и знаніе. «Волюктаризмъ не можетъ согласиться съ интеллектуализмомъ, принимающимъ всякое состояніе сознанія за познавательное состояніе: для волюктаризма понятіе сознанія шире понятія знанія». (Цит. соч. 78 стр.)

Всякое психическое переживаніе входитъ въ составъ нашего сознанія, но не всякое является опознаннымъ. Для акта опознанія необходимо выдѣлить извѣстное психическое переживаніе изъ общаго фона состояній сознанія, а это выдѣленіе производится посредствомъ сосредоточенія вниманія на нашемъ переживаніи въ цѣляхъ различенія и отождествленія этого состоянія сознанія съ другими. Только въ результатѣ такой работы получается опознанное состояніе сознанія, т.-е. знаніе о немъ. Такимъ образомъ состоянія сознанія представляютъ явленія основныя, первичныя, на матеріалѣ которыхъ возникаетъ опознаніе, какъ процессъ вторичный, производный, — какъ надстройка, которой можетъ и не быть. Если необходимымъ условіемъ опознанія является актъ различенія и отождествленія, т.-е. сравненія, то, очевидно, опознаніе возможно лишь при наличности по крайней мѣрѣ двухъ переживаній нашего сознанія. Поэтому если «о д н о какое-либо состояніе сознанія овладѣетъ въ с е й области душевной жизни, оно совершенно утрачиваетъ характеръ познанія. Такъ бываетъ въ случаяхъ экстаза или тогда, когда какая-либо сильная эмоція, напр. гнѣвъ, овладѣетъ нами всецѣло. Пока гнѣвъ не вытѣснилъ всѣхъ другихъ состояній, мы все еще воспринимаемъ его такъ же, какъ воспринимаемъ, напр., бѣлый цвѣтъ, мы сознаемъ свое состояніе, какъ «это опредѣленное состояніе»; но когда онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда всякая интеллектуальная дѣятельная обработка состояній сознанія исчезаетъ, мы теряемъ всякое представленіе о томъ бурномъ состояніи, которое переживаемъ. Мало того, и при наличности другихъ душевныхъ явленій мы съ большимъ трудомъ познаемъ тѣ содержанія сознанія, условія возникновенія

которых не благоприятствуют их различенію; напр. осязая мокрый, холодный и твердый предметъ, трудно различить эти ощущенія, и вообще трудно отдѣлать осязательныя ощущенія отъ температурныхъ, потому что они всегда сопутствуютъ другъ другу» (ibid. 82 стр.).

Итакъ, актъ опознанія душевныхъ переживаній требуетъ особой каждый разъ затраты психической энергіи, особой работы и усилія воли. Весьма естественно поэтому, что не всякое психическое переживаніе опознается нами, а лишь то, которое представляетъ для насъ существенный и интересъ.

«Первоначальныя настоятельныя потребности нашей жизни требуютъ умѣнія быстро опознавать состоянія сознанія, относящіяся къ внѣшнему физическому міру: цвѣта, звуки, формы и т. п. Гораздо менѣе важно для практическихъ повседневныхъ цѣлей опознаніе психическихъ состояній, какъ таковыхъ. Соответственно этому и знаніе о нихъ гораздо менѣе распространено. Очень многіе люди можно сказать, не знаютъ о томъ, что у нихъ есть душевныя состоянія, и склонны къ матеріализму именно потому, что знаютъ только физическій міръ. Мало того, всякое явленіе въ сознаніи развивается, какъ сплошной непрерывный процессъ (стадіи развитія воспріятія, воспоминанія, умозаключенія и т. п.); для повседневныхъ цѣлей важны главнымъ образомъ заключительныя стадіи этихъ процессовъ (отчетливое воспріятіе, результатъ припоминанія, выводъ и т. п.), и можно сказать, что только эти заключительныя стадіи процессовъ и опознаются нами. Самое же развитіе этихъ процессовъ опознается только спеціалистами-психологами, да и то далеко не всѣми» (87 стр.). «Наше сознаніе есть въ каждый данный моментъ цѣлый океанъ состояній, въ которомъ намъ извѣстны только небольшіе островки, и работа опознанія извлечетъ изъ нѣдръ этого океана такія чудеса, какія и не снятся мудрецамъ, несмотря на то, что многія изъ этихъ чудесъ разыгрываются въ самомъ нашемъ «я» и создаются самимъ этимъ «я», однако создаются въ процессѣ жизни «я», не освѣщенной знаніемъ» (88 стр.). Итакъ, фактъ существованія неопознанныхъ, или подсознательныхъ психическихъ состояній едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя нѣкоторые психологи и усматриваютъ въ нихъ лишь «физиологическій мозговой процессъ» («Новыя идеи въ философіи», № 15, стр. 57).

Подсознательныя явленія нашей психики не могутъ быть предметомъ самонаблюденія, ибо поскольку мы наблюдаемъ психическое переживаніе, постольку оно тѣмъ самымъ становится опознаннымъ, т.-е. перестаетъ быть подсознательнымъ. О существованіи подсозна-

тельныхъ явленій мы можемъ только умозаключать подобно тому, какъ мы умозаключаемъ о расплавленномъ ядрѣ земного шара («Новыя идеи» № 15, стран. 55, 118). Тѣмъ не менѣе понятіе подсознательнаго необходимо въ психологіи для истолкованія множества явленій душевной жизни. Вѣдь психическую жизнь можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) преемственной смѣны различныхъ моментовъ психической жизни во времени и 2) сосуществованія ихъ какъ бы въ пространствѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы наблюдаемъ фактъ вытѣсненія изъ фиксаціоннаго поля вниманія однихъ психическихъ переживаній другими — предыдущихъ послѣдующими, менѣе цѣнныхъ болѣе цѣнными. Это вытѣсненіе объясняется такъ наз. «узостью сознанія», въ силу которой психическія состоянія не могутъ занимать одновременно одной и той же точки въ полѣ нашего сознанія. Поэтому между различными психическими переживаніями происходитъ какъ бы борьба за полное обладаніе нашимъ вниманіемъ, нашимъ «я».

«Побѣжденные» въ этой борьбѣ психическіе элементы не исчезаютъ и не гибнутъ окончательно, но отходятъ на второй планъ нашего сознанія, образуя особый какъ бы подземный міръ психическихъ тѣней, міръ невидимый, потенціальный, міръ скрытыхъ, но живыхъ возможностей, — однимъ словомъ, подсознательную область. Среди психологовъ, признающихъ психическій характеръ за подсознательными явленіями, не установилось полного единства взглядовъ на внутреннее строеніе подсознательной сферы. Нѣкоторые находятъ въ ней стройное, органическое единство, цѣльную систему, придающую ей характеръ отдѣльной личности, второе «я», которое «думаетъ, чувствуетъ, желаетъ исполнѣ самостоятельно, вліяетъ на нашу сознательную жизнь, помогаетъ ей, озаряетъ ее своимъ свѣтомъ и причиняетъ аномальныя явленія» (56 стр.). Большинство же психологовъ полагаетъ, что въ нормальной жизни подсознательная сфера не представляетъ органическаго единства, что «это — диссоціированный, отколовшійся отъ сознательнаго «я» психическій матеріалъ, который только въ послѣдствіи можетъ соединиться въ новое отдѣльное «я» (56 стр.). Каково бы ни было внутреннее строеніе подсознательной сферы, ея огромная роль въ психической жизни не подлежитъ никакому сомнѣнію. Многіе психологи и философы (И. Г. Фихте, Фолькманъ, Фортлаге, Гартманъ) утверждаютъ, что высшія цѣнности, созданныя творческимъ геніемъ человѣкъ, являются продуктомъ подсознательной дѣятельности. По словамъ Гартмана, «сознательный разумъ только отрицаетъ, критикуетъ, контролируетъ, исправляетъ, примѣряетъ, сравниваетъ, комбинируетъ, подчиняетъ, получаетъ путемъ наведенія общее изъ частнаго,

согласуетъ частный случай съ общимъ правиломъ, но никогда не бываетъ творчески продуктивнымъ, никогда не бываетъ изобрѣтательнымъ» (Лосскій. Основныя ученія психологіи», 98 стр.). На этомъ основаніи Фортлаге называетъ даже сознание «паразитомъ». Отчасти съ этимъ соглашается и Лосскій. «Такъ какъ, говорить онъ, опознание состоитъ изъ актовъ вниманія, различенія, отождествленія и т. п. по поводу уже даннаго матеріала, то можно утверждать, что оно не создаетъ специфически новаго содержанія» (98 стр.). Эту мысль проф. Лосскій развиваетъ слѣдующимъ образомъ. «Въ процессахъ опознанія нужно различать результаты этой дѣятельности и самую дѣятельность. Результаты дѣятельности совершенно пассивны, но самыя дѣятельности не лишены творчески продуктивнаго характера, который сказывается и въ результатахъ опознанія. Такова, напр., дѣятельность опознанія, подводящая паденіе камня и обращеніе луны вокругъ земли подъ одно и то же понятіе и, слѣдовательно, опирающаяся на совершенно новыя, неожиданныя сопоставленія. Но такая оригинальная познавательная дѣятельность сама въ свою очередь бываетъ неопознанною; только простѣйшіе, часто повторяющіеся и потому нетворческіе акты сравненія, различенія могутъ быть въ моментъ своего осуществленія опознанными. Поэтому можно установить слѣдующее положеніе: дѣятельность познанія бываетъ опознанною и неопознанною, — первая не заключаетъ въ себѣ ничего оригинальнаго, вторая — можетъ быть творческою» (99 стр.).

Ученіе о подсознательныхъ процессахъ психической жизни находитъ особенно цѣнное примѣненіе въ волюнтаристической теоріи личности. Возможны двѣ точки зрѣнія на человѣческую личность: органическая и механическая. Согласно послѣдней точкѣ зрѣнія, человѣческое «я» представляетъ простую сумму различныхъ психическихъ элементовъ (представленій, чувствъ, стремленій и пр.) и возникаетъ такъ, какъ куча песку, камней и пр., которая складывается изъ частей, лежавшихъ прежде отдѣльно. По этому взгляду, человѣческая личность первоначально лишена самостоятельнаго содержанія и независимаго дѣятельнаго начала, всецѣло подчиняясь внѣшнимъ вліяніямъ: воспитанію, климату и пр., которыя формируютъ тотъ или иной типъ человѣческой психики и опредѣляютъ путь ея развитія.

Волюнтаризмъ защищаетъ органическую точку зрѣнія на ростъ и строй человѣческой личности. Согласно этой теоріи, «подъ словомъ «я» нужно разумѣть совокупность стремленій, встрѣчающихся въ индивидуальномъ сознаніи», при чемъ эти стремленія «сознаются связанными съ какимъ-то однимъ и тѣмъ же ближе неопредѣлимымъ

центромъ; иными словами, они, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перемѣны, производимыя ими, составляютъ единство, непосредственно сознаваемое, какъ единство. Нѣкоторыя группы стремленій, относящихся другъ къ другу, какъ средства къ цѣлямъ, особенно тѣсно сплочены и непосредственно сознаются, какъ обусловленные лежащимъ въ основѣ ихъ первоначальнымъ стремленіемъ. Поэтому можно сказать, что каждое «я» выражается въ видѣ единства нѣсколькихъ первоначальныхъ стремленій, изъ которыхъ вытекаютъ ряды производныхъ стремленій. Быть можетъ, и эти опознанныя первоначальныя стремленія составляютъ единство также потому, что они суть производныя стремленія, возникающія изъ какого-либо одного неопознаннаго, наиболѣе глубокаго моего стремленія» (Лосскій, цит. соч., 130 стр.). Этотъ глубоко лежащій въ основѣ каждаго «я» узелъ или пучокъ первоначальныхъ стремленій составляетъ самостоятельную, непродвижимую природу человѣческой личности, ея коренное внутреннее ядро. Изъ него, какъ изъ сѣмени, вырастаетъ вся сложная, своеобразная ткань индивидуальной жизни при содѣйствіи, конечно, внѣшнихъ вліяній. Планъ этого роста и характеръ развитія индивидуальной личности уже начертанъ въ первоначальномъ зернѣ человѣческаго «я», въ его внутренней природѣ. «Всякая перемѣна въ жизни «я», даже и возникающая по поводу внѣшнихъ явленій, есть реакція «я», обусловленная его внутреннею природою, его стремленіями. Поэтому-то и возможно единство «я»; оно можетъ сохраняться лишь въ томъ случаѣ, если внѣшніе факторы перемѣнъ играютъ не одинаковую роль съ внутренними: если «я» реагируетъ не на всякій внѣшній поводъ, а лишь на тотъ, который соотвѣтствуетъ его природѣ, и лишь такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его природѣ» (Лосскій, 131 стр.). «Въ отвѣтъ на соображенія о зависимости реакцій «я» отъ его внутренней природы часто говорятъ, что сама внутренняя природа «я» складывается постепенно подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій». «Однако возражающіе такимъ образомъ упускаютъ изъ виду, что и прежнія вліянія, насколько мы знаемъ жизнь «я» на основаніи опыта, вызвали перемѣны въ «я» не сами по себѣ, а при столкновеніи съ внутреннимъ факторомъ и соотвѣтственно ему» (131 стр.).

Такимъ образомъ, согласно волюнтаристической теоріи личности, психическая жизнь каждой индивидуальности представляетъ процессъ развертыванія подсознательнаго «я» изъ внутренней природы, при чемъ внѣшнія вліянія играютъ роль лишь сопутствующихъ поводовъ. Творческое, дѣятельное начало, которое образуетъ все индиви-

дуальное своеобразие человѣческой личности, лежитъ не внѣ, а внутри самой личности, составляя ея основное подсознательное ядро. Относительно возникновенія этого ядра эмпирическая наука ничего достовернаго сказать не можетъ. По этому вопросу возможны лишь различныя гипотезы, въ силу которыхъ наше «я», какъ духовная субстанція, абсолютно производно или входитъ составной частью въ какую-либо высшую духовную субстанцію или же «отпочковывается отъ другого подобнаго ему, частнаго «я», и въ такомъ случаѣ въ параллель положенію *omnis cellula e cellula* (всякая клѣтка изъ клѣтки) можно было бы сказать: всякое «я» изъ «я» (Лосскій, *ibid.*, 133 стр.).

Но для насъ здѣсь важны не метафизическія теоріи о формированіи нашего «я», а тѣ эмпирическіе факторы, которые участвуютъ хотя бы косвенно въ процессѣ этого формированія и которые подлежатъ нашему непосредственному наблюденію и учету. Таковы суть условія наслѣдственности и первоначальнаго воспитанія. Если и несостоятельна механическая теорія, которая стремится все содержаніе нашего «я» безъ остатка свести на внѣшнія вліянія, какъ бы растворить человѣческую личность въ окружающей его внѣшней средѣ; если признать за истину, что внутреннюю дѣятельно-живую основу нашего «я» составляетъ неразстворимая ни на что внѣшнее, относительно-производная духовная субстанція, то несомнѣнно все-таки, что питаніе свое она получаетъ извнѣ, ростъ ея совершается въ процессѣ взаимодѣйствія съ внѣшней средой, характеръ ея проявляется въ тѣхъ реакціяхъ, которыми она отвѣчаетъ на внѣшнія вліянія. Такимъ образомъ, изучая условія взаимодѣйствія человѣческой личности съ внѣшней средой въ тотъ періодъ времени, когда эта личность начала свое эмпирическое существованіе и развитіе, т.-е. въ пору ея первоначальнаго дѣтства, мы лучше всего познакомимся съ тѣмъ внутреннимъ, подсознательнымъ, субстанціальнымъ «я», которымъ обуславливается все своеобразие данной личности и ея жизненная судьба. Обширный конкретный матеріалъ для такого изученія мы находимъ въ русской художественной литературѣ.

III.

Подсознательное въ художественной литературѣ.

Въ нашу задачу входитъ выяснить роль подсознательнаго фактора въ жизненной судьбѣ человѣка на основаніи тѣхъ конкретныхъ данныхъ, какія мы находимъ въ романѣ Тургенева «Дворянское гнѣздо» и Гончарова «Обломовъ». Оба эти романа даютъ поразительно жиз-

ненные образы, — Лизы Калитиной, Лаврецкаго и Обломова. Помимо мастерства художественнаго изображенія, жизненная сочность этихъ образовъ зависитъ оттого, что мы видимъ не только ихъ внѣшнія дѣйствія и проявленія сознательно-разумной сферы ихъ психики, но и ту подсознательную почву, на которой и изъ глубины которой вырастаетъ вся ихъ личность и жизненная судьба. И Тургеневъ и Гончаровъ превосходно понимаютъ глубокое жизненное значеніе подсознательнаго фактора и потому такъ много мѣста въ своихъ романахъ удѣляютъ изображенію тѣхъ условій, среди которыхъ этотъ факторъ подготавливается, — т.-е. наслѣдственности и первоначальнаго воспитанія. Такъ, въ романѣ Тургенева цѣлый рядъ главъ (VIII—XI) посвященъ генеалогіи Лаврецкаго, а въ романѣ Гончарова едва ли не самыми цѣнными страницами являются тѣ, гдѣ авторъ рисуетъ картины дѣтства Илюши Обломова. Огромный, безконечный міръ подсознательныхъ переживаній, внушеній и возможностей придаетъ въ романахъ Тургенева и Гончарова особую полновѣсность и значительность поступкамъ и словамъ героевъ, создавая для нихъ необъятный фонъ, развертывая «глубокій задній планъ, защищаемый тайной, придающей событіямъ грандіозную и священную перспективу» (Метерлинкъ, «Собраніе соч.», изд. 3-е Саблина, т. IV, 69 стр.).

Вѣдь область подсознательнаго шире той, которая освѣщена нашимъ разумомъ, и никогда не можетъ быть охвачена или исчерпана сознательной мыслью. Въ подсознательномъ мы видимъ бездну, границы которой теряются въ безконечной мглѣ, и въ глубинѣ которой бьются неистощимые и таинственные родники жизни. Вотъ почему образы Тургенева и Гончарова такъ много говорятъ нашему непосредственному чувству, нашей интуиціи...

Какими путями подсознательный факторъ пробивается наружу, опредѣляя собой жизненную судьбу героевъ? Внѣшній міръ въ многообразномъ сочетаніи различныхъ обстоятельствъ и жизненныхъ положеній дѣйствуетъ на человѣка, вызывая въ его подсознательномъ «я» тѣ или инныя реакціи, благопріятствуя его внутренней природѣ или противорѣча ей. Это — первый періодъ психической жизни. Подъ вліяніемъ этихъ реакцій, въ атмосферѣ жизненныхъ столкновеній познаетъ человѣкъ свое подлинное «я», свою настоящую жизненную миссію, вырабатываетъ основы своего міровоззрѣнія. Этотъ актъ внутренняго самоопредѣленія составляетъ второй моментъ въ психическомъ развитіи человѣка. Послѣ этого остается лишь на дѣлѣ, въ жизни, во внѣшнемъ мірѣ осуществить то, что сначала въ скрытой и смутной формѣ лежало въ подсознательной области, а затѣмъ было выявлено, осознано и принципіально оформлено въ болѣе или менѣе

стройномъ міровозрѣніи. Итакъ, третій и послѣдній моментъ въ жизни человѣка — реализація идеала во внѣшней дѣйствительности. Такова та схема, въ которую удобнѣе всего укладывается все эмпирическое содержаніе жизненнаго процесса, изображеннаго въ произведеніяхъ нашихъ авторовъ. Изъ этой схемы съ полной ясностью обнаруживается неизмѣримо-важная роль подсознательнаго фактора въ жизненной судьбѣ человѣка.

Въ дальнѣйшемъ мы намѣрены заполнить эту общую схему конкретнымъ содержаніемъ на основаніи указанныхъ выше романовъ Тургенева и Гончарова.

Лиза Калитина.

1. Ея подсознательная сфера.

Личность Лизы Калитиной представляетъ глубокой, интересъ съ точки зрѣнія волонтаристической теоріи индивидуальнаго «я». Съ ранняго возраста ее окружали разнородныя условія и вліянія, но она выбрала и запечатлѣла въ своей душѣ лишь тѣ, которыя соотвѣтствовали ея подсознательному «я». Мало чѣмъ она была обязана своимъ родителямъ. Лишь внѣшностью она отчасти походила на своего отца: «черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина». (Тургеневъ, «Соч.» изд. 4, Глазунова, т. III, стр. 338). Онъ мало занимался ею, да и терпѣть не могъ «нянчиться съ писклятами»; къ тому же, заваленный дѣлами, онъ постоянно работалъ. Мать «немного больше мужа занималась Лизой: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой» (335 стр.). Была у Лизы еще гувернантка — дѣвица Морб, но она имѣла мало вліянія на Лизу. Однако личность этой гувернантки любопытна, особенно если сопоставить ее съ няней Лизы — Агафьей Власьевной, имѣвшей огромное вліяніе на свою питомицу. «Въ молодости она (Морб) вела жизнь очень разсѣянную... Вслѣдствіе ли легкомысленно проведенной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надыхалась съ дѣтства, — въ ней гнѣздилося что-то въ родѣ всеобщаго дешевенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: *tout ça c'est des bêtises*» (336). «Подъ старость у ней остались только двѣ страсти: къ лакомству да къ картамъ». Въ виду такихъ особенностей дѣвицы Морб, вліяніе ея могло бы быть лишь отрицательнымъ, если бы оно не разбивалось безслѣдно о то самобытное подсознательное «я», которое таилось въ душѣ Лизы и которое насквозь было проникнуто положительными началами.

Эти самостоятельныя, положительныя начала, заложенныя глубоко въ личности Лизы, и были причиной того, что Агафья Власьева, ея няня, пріобрѣла на нее столь могучее вліяніе. Это вліяніе приходится какъ разъ на самыя впечатлительныя и важныя въ смыслѣ духовнаго развитія годы, а именно отъ 4 до 8 лѣтъ. «Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни, но она скоро привыкла къ ней и крѣпко полюбила. Она была сама серьезный ребенокъ; глаза ея свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась негромко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда не даромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ» (338). Такимъ образомъ, еще до вліянія Агафьи Лиза обнаруживала всѣ признаки глубокой своеобразной природы, обладающей весьма дѣятельной и опредѣленной подсознательной сферой. Личность Агафьи вполне соответствовала серьезному характеру и врожденнымъ задаткамъ Лизы. Въ этомъ глубокомъ, внутреннемъ созвучіи и сродствѣ двухъ натуръ — тайна необычайнаго успѣха Агафьи. Въ противоположность поверхностному скептицизму гувернантки Морб, Агафья несла своей питомицѣ положительныя основы чисто-русскаго, народнаго міровоззрѣнія, выстрадавшаго ею въ тяжельхъ испытаніяхъ личной жизни. Переживъ цѣлый рядъ потрясеній, переворотовъ и утратъ, она «стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарива всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смиренно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубить ли ей кто — она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе» (337 стр.). Такова была няня — воспитательница Лизы. Въ чемъ же выразилось вліяніе Агафьи на Лизу? Здѣсь слѣдуетъ различать три струи.

1) Прежде всего Агафья внушала Лизѣ аскетическій идеалъ. «Мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ рассказывала она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодь терпѣли и нужду, — и царей не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя кормъ носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты вырастали». Послѣднія событія изъ жизни Агафьи также должны были содѣй-

ствовать укрѣпленію въ душѣ Лизы аскетическаго идеала. «Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ» (340 стр.). Такимъ образомъ и Лиза и Агафья завершили свой жизненный путь одинаково.

2) Въ сферѣ отношеній къ людямъ и жизни, — т.-е. морали въ собственномъ смыслѣ этого слова, Агафья подавала Лизѣ примѣръ, не столько активной борьбы со зломъ въ окружающей жизни, сколько уклоненія отъ него, «недѣланія», боязни грѣха, осуществленія въ своей душѣ идеала личнаго совершенства. «Агафья никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала; и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими» (339). Въ результатѣ, «вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности» (340 стр.).

3) Агафья пробудила въ душѣ Лизы мистическое религиозное чувство, восторженную вѣру и любовь къ Богу. «Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и вводила тайкомъ къ заутренѣ. Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ — осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку, — вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святаго потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа». Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ была необыкновенная религиозность Лизы, доходившая до экстаза. «Она шла къ обѣднѣ, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденіемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ»... «Она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно» (340 стр.).

Такимъ образомъ Агафья возбудила въ душѣ Лизы всю сложную область религиозно-этическихъ переживаній, охватывающихъ отношеніе человѣка къ своей низшей, матеріальной природѣ (аскетизмъ), къ другимъ, равнымъ себѣ существамъ (альтруизмъ) и къ высшему, идеальному, абсолютному бытію — Богу (благочестіе) (см. Соловьевъ, «Оправданіе добра»). Отличительной особенностью этихъ переживаній Лизы была 1) ихъ необычайная, непрерывная напряженность, придававшая настроенію Лизы постоянно приподнятый, идеальный тонъ, и 2) ихъ устремленность внутрь души самой Лизы, т.-е. центристый, эксцентрический характеръ, налажавшій на духовный

обликъ Лизы отпечатокъ замкнутости и отрѣшенности отъ внѣшней жизни. Такимъ образомъ, при содѣйствіи Агафьи, Лиза взлелѣяла въ своей душѣ идеаль личной святости въ національно-русскомъ его истолкованіи.

Интимная близость къ крестьянкѣ Агафѣ, жизнь въ русской деревнѣ должна была напитать душу Лизы національно-русской стихіей, укрѣпить живую связь ея съ родиной. Это національное чувство, конечно, также жило въ подсознательной сферѣ. «Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала со старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія» (329 стр.).

Таково содержаніе подсознательной сферы Лизы. Изъ окружающей среды Лиза своимъ подсознательнымъ «я» выбрала и усвоила самыя идеальныя элементы, наиболѣе родственныя ея высокой внутренней природѣ: любовь къ русскому народу, стремленіе къ личному совершенствованію, любовь къ Богу. Но то, что лежитъ въ подсознательной сферѣ, получаетъ большую опредѣленность, устойчивость и вообще жизненную цѣнность, когда становится предметомъ отчетливаго, сознательнаго усвоенія, когда изъ стадіи слѣпого, инстинктивнаго существованія переходитъ на высшую ступень осознаннаго бытія, принимаетъ форму принципиально-обоснованнаго міровоззрѣнія.

Посмотримъ, въ какую форму облеклось подсознательное «я» Лизы въ процессѣ принципиальнаго самоопредѣленія.

2. Міровоззрѣніе Лизы.

Конечно, нельзя требовать отъ Лизы научно выработаннаго и систематически изложеннаго міровоззрѣнія. Это была натура не интеллектуальная, но религіозно-этическая. Основной жизненный интересъ ея лежалъ не въ области теоретическаго мышленія, а въ сферѣ практическаго дѣланія. Направить чувство и волю къ добру, осуществить идеаль нравственнаго совершенства — вотъ ея жизненное призваніе. «У нея не было своихъ словъ», но были свои мысли»... (340 стр.). Не заботясь о точной формулировкѣ и систематизированіи своихъ мыслей, Лиза, однако, много размышляла надъ основными проблемами жизни и выработала вполне опредѣленный и устойчивый строй представленій, идеаловъ и чувствъ. Въ бесѣдахъ съ Лаврецкимъ она отчасти, со свойственной ей сдержанностью, открыла свой внутренній міръ, намѣтила нѣкоторые пункты своего міровоззрѣнія. Ея отдѣльныя.

разрозненныя замѣчанія и сужденія, высказанныя болѣе или менѣе случайно, мимоходомъ, по чисто внѣшнимъ поводамъ, отличаются глубокою убѣжденностью и говорятъ о продолжительной и упорной работѣ мысли и чувства надъ рѣшеніемъ общихъ вопросовъ міровоззрѣнія. Намъ придется вникнуть въ самую глубь этой работы, возстановить и дополнить недоговоренное Лизой и такимъ образомъ построить изъ ея отправочныхъ сужденій связанное цѣлое. Будучи съ ранняго дѣтства религіозной, она не могла не задуматься надъ вопросомъ о значеніи религіи для человѣка. «Христіаниномъ нужно быть, говорила она, не для того, чтобы познавать небесное... тамъ... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть» (302 стр.). И она при этомъ дѣлаетъ характерное признаніе, что часто думаетъ о смерти (303 стр.). Такимъ образомъ, по мнѣнію Лизы, фактъ смерти является источникомъ религіи, а не познавательные запросы человѣческаго ума. И дѣйствительно, какъ разумное сознаніе, такъ, въ особенности, нравственная сторона нашего существа не можетъ примириться съ фактомъ гибели, полного уничтоженія человѣческой личности и всего того, что является наиболее цѣннымъ, наиболее идеальнымъ, наиболее достойнымъ безсмертія. Невыразимый ужасъ и нестерпимая бессмыслица такого уничтоженія особенно ярко вскрывается при мысли о торжествѣ и всемогуществѣ слѣпыхъ матеріальныхъ силъ космоса. Смерть человѣка означаетъ какъ бы поглощеніе его необъятнымъ космосомъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ грубой физической силы. Сознаніе глубокой противоположности между духовнымъ «я» человѣка и матеріальнымъ и всемогущимъ «не-я» всего космоса и создаетъ идею Бога, т.-е. такого абсолютнаго существа, въ которомъ указанная выше противоположность находитъ свое примиреніе и высшее разрѣшеніе. Человѣчeskій духъ, стремясь обезпечить бытіе высихъ, идеальныхъ цѣнностей, возлагаетъ всѣ свои послѣднія упованія и надежды на Бога. Таковъ приблизительно ходъ мыслей, заключительное звено котораго формулировано Лизой въ вышеприведенныхъ словахъ.

Такимъ образомъ, если выразить мысль Лизы на философскомъ языкѣ, необходимость религіи и бытія Бога постулируется не р а в с т в е н н ы м ъ сознаніемъ человѣка, его практическимъ разумомъ, а не теоретическимъ, — запросами его сердца и воли, а не отвлеченно-мыслящаго ума. Богъ, по мнѣнію Лизы, не есть какая-либо философская категорія или логическая абстракція, а живая реальность, принимающая близкое, непосредственное участіе въ жизни и судьбѣ человѣка и направляющая его по пути нравственнаго совершенствованія.

«Счастье зависит не от насъ, а отъ Бога»... «мы скоро были наказаны» (372—3), «вы должны простить, если хотите, чтобы и васъ простили» (289); «кто же можетъ васъ простить, кромѣ Бога» (312)... вотъ тѣ отрывочныя, но глубоко прочувствованныя сужденія Лизы, которыя говорятъ о томъ, что, по мнѣнію Лизы, человѣкъ и его жизненные интересы не остаются чужды Богу. Внѣшнее благополучіе человѣка, такъ наз. счастье, не есть цѣль его жизни, по мнѣнію Лизы. Счастье и несчастье служатъ простымъ педагогическимъ средствомъ, которымъ Провидѣніе пользуется для того, чтобы направить человѣка къ его истинной цѣли, — осуществленію нравственнаго идеала. «Намъ обоимъ остается исполнить нашъ долгъ», говоритъ Лиза Лаврецкому, когда ихъ мечты о личномъ счастьи оказались разрушенными. «Надо покориться»... (290), т.-е. отказаться отъ всякихъ притязаній на личное счастье, если для его достиженія приходится нарушать чьи-либо права, интересы, причинять кому-либо страданіе. Лишь въ стремленіи къ осуществленію нравственнаго долга человѣкъ, по мнѣнію Лизы, обязанъ проявлять несокрушимое упорство и настойчивость, не поддаваясь никакимъ соблазнамъ, искушеніямъ и вообще препятствіямъ. Мы должны стремиться лишь къ нравственному идеалу; всякія отступленія и уклоненія отъ этой единственной цѣли въ сторону личнаго счастья, по мнѣнію Лизы, преступны и могутъ повлечь за собой справедливую кару всевидящаго Божества. По приѣздѣ жены Лаврецкаго, Лиза «рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе, какъ она называла ихъ, преступнымъ надеждамъ»... «По дѣломъ!» — говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы... «Долго она стояла предъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: «я передъ нею виновата» — переступила она порогъ» (356 стр.). Почему же надежды на личное счастье преступны? Потому что онѣ означаютъ пріостановку въ ходѣ нравственнаго совершенствованія человѣка, отклоненіе отъ настоящей цѣли жизни. Въ томъ психическомъ переживаніи, которое именуется «счастьемъ», есть что-то пошло-самодовольное, мѣщански-замкнутое и ограниченное, нравственно-неподвижное и задерживающее... Счастье не открываетъ человѣку никакихъ горизонтовъ, никакихъ духовныхъ перспективъ, никакихъ небесъ, никакихъ просвѣтовъ въ безконечное. «Что-то въ нашей душѣ всегда предпочтетъ заплакать иногда въ мірѣ безъ границъ, чѣмъ быть всегда счастливымъ въ ограниченномъ мірѣ» (Метерлинкъ, т. III, 217 стр.). Если такъ часто и не безъ основанія говорятъ о нравственной цѣнности страданій, которыя побуждаютъ человѣка

искать иныхъ, высшихъ благъ въ мірѣ идеальномъ, то съ такимъ же правомъ можно утверждать, что счастье вообще предрасполагаетъ человѣка къ нравственному застою, къ забвенію высшихъ цѣлей, къ ослабленію энергіи нравственныхъ тревогъ и исканій. Кромѣ того, осуществленіе личнаго счастья обыкновенно зиждется на чьемъ-либо страданіи. По словамъ Метерлинка, «мы живемъ въ мірѣ, гдѣ все держится невидимыми нитями, гдѣ никто не одинокъ», гдѣ даже «нѣжнѣйшее движеніе доброты или любви оскорбляетъ часто столько невинныхъ вокругъ насъ» (т. III, 89 стр.) и гдѣ «самые внимательные, сами того не зная, сѣютъ вокругъ себя страданія» (91 стр.). Чѣмъ энергичнѣе добивается человѣкъ личнаго счастья, тѣмъ больше жертвъ на его пути, тѣмъ больше причиняетъ онъ невиннымъ людямъ слезъ и горя. Такое неизбѣжное сцѣпленіе счастья и горя въ обычныхъ условіяхъ нашей жизни остро ощущала Лиза, и ея чуткое сердце не могло съ этимъ примириться. Вотъ почему она старалась внушить Лаврецкому отреченіе отъ личнаго счастья и сама неуклонно пошла по этому пути. «Все кончено, кончена моя жизнь съ вами», говорила она тетушкѣ. «Такой урокъ не даромъ; да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все это отмолить, отмолить надо» (387 стр.). Такимъ образомъ, по мнѣнію Лизы, не о личномъ счастьи нужно думать, а о томъ, какъ бы уменьшить зло въ мірѣ, происходящее изъ столкновенія и взаимной вражды людей на почвѣ стремленій къ счастью. Нужно «отмолить» грѣхи, т.-е. погасить пламя растущаго зла, противопоставивъ ему эквивалентъ чистаго, нравственнаго добра, и этимъ выполнить истинное призваніе человѣка, его высшій долгъ. Такова именно жизненная задача Лизы.

Итакъ, мы видимъ, что тѣ религиозные и нравственно-аскетическіе задатки, которые были заложены въ ея подсознательной сферѣ, съ теченіемъ времени были осознаны Лизой и вылились въ форму законченнаго и устойчиваго міровоззрѣнія. Нельзя не отмѣтить и а ц і о н а л ь н а г о характера этого міровоззрѣнія. Хотя основной вопросъ, всецѣло овладѣвшій сознаніемъ Лизы, — вопросъ о смыслѣ жизни и призваніи человѣка вообще, — не имѣлъ прямого отношенія къ конкретнымъ условіямъ русской дѣйствительности, однако рѣшеніе этого вопроса въ міровоззрѣніи Лизы приняло отпечатокъ той «народной правды», которая соотвѣтствуетъ національно-русскому идеалу и представительницей которой была Агафья. «Недѣланіе»

зла, «уходъ» отъ жизни, полной грѣха и соблазновъ, осуществленіе въ своей душѣ идеала чистоты и святости, пренебреженіе къ внѣшнимъ условіямъ жизни, вотъ тѣ черты, которыя сближаютъ Лизу съ отшельниками и святыми, вышедшими изъ русской народной среды.

Мы знаемъ, что въ душѣ Лизы жило глубокое національное чувство. Въ процессѣ выработки міровоззрѣнія оно должно вылиться въ опредѣленные общественныя воззрѣнія и симпатіи. Во время спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, когда столкнулись два противоположныхъ общественныхъ міровоззрѣнія — космополитическое и націоналистическое (славянофильское), — «Лиза не вымолвила ни одного слова, но вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило» (329 стр.). Такимъ образомъ, по своимъ общественнымъ взглядамъ Лиза примыкала къ славянофиламъ, отстаивавшимъ «молодость и самостоятельность Россіи», осуждавшимъ «надменные передѣлки, не оправданные ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ», — требовавшимъ, наконецъ, «признанія народной правды и смиренія передъ нею» (327 стр.). Значить, Лиза была на сторонѣ развитія національно-русской культуры, стояла за служеніе интеллигенціи народу въ духѣ его національныхъ идеаловъ и вѣрованій.

Итакъ, все міровоззрѣніе Лизы — и въ его религіозно-этическихъ и въ общественныхъ элементахъ — выросло на почвѣ тѣхъ подсознательныхъ началъ и задатковъ, которые проявились уже въ раннемъ возрастѣ. Посмотримъ, въ какой формѣ оно осуществилось въ жизни.

Мы видѣли, что развитіе индивидуальнаго сознанія протекаетъ въ условіяхъ взаимодѣйствія между подсознательными психическими элементами и внѣшней средой, при чемъ эта послѣдняя можетъ способствовать или противодействовать успѣшному развертыванію подсознательнаго «я» изъ внутренней природы. Оба момента — и внутренній и внѣшній — въ высшей степени важны. Тѣ же моменты, но лишь въ болѣе обширномъ масштабѣ, мы обнаруживаемъ и въ процессѣ общественнаго развитія. Внѣшняя среда — природа и общественный строй, съ одной стороны, и нравственный уровень населенія — съ другой — представляютъ весьма важные факторы культурнаго прогресса. Въ соотвѣтствіи съ этимъ возможны и одинаково цѣнны двѣ формы общественнаго служенія, два пути дѣятельности: 1) измѣненіе и улучшеніе внѣшняго строя общественной жизни и 2) нравственное усовершенствованіе личности. Между этими формами общественнаго служенія не только нѣтъ противорѣчій,

но и рѣзкихъ принципіальныхъ границъ, хотя представители этихъ направленій нерѣдко враждуютъ между собой, приписывая другъ другу вредное вліяніе на ходъ культурнаго развитія народа. Лиза вслѣдствіе явнаго преобладанія въ ея міровоззрѣніи религіозно-этическихъ элементовъ, конечно, болѣе всего сочувствовала тому пути жизнедѣятельности, на которомъ забота о нравственномъ совершенствованіи человѣка выступала на первый планъ. На человѣка и жизнь она смотрѣла *sub specie aeternitatis*, съ высоты абсолютнаго идеала и послѣдней, конечной цѣли бытія. Поэтому случайныя внѣшнія условія преходящей эмпирической дѣйствительности ея мало занимали. Она полагала, что, въ какой бы средѣ человѣкъ ни жилъ, онъ можетъ и долженъ выполнить свое нравственное призваніе. Не ждаты же ему, когда закончится историческій процессъ усовершенствованія внѣшняго строя жизни! Основное требованіе нравственнаго долга, по мнѣнію Лизы, состояло въ томъ, чтобы не жить въ грѣхѣ, отречься отъ личнаго счастья, очистить свою душу отъ суетныхъ, своекорыстныхъ и злыхъ поползновеній, создать изъ нея возвышенный, святой храмъ, достойный безсмертія и Божества. Повинуясь этому долгу, Лиза рѣшила «отъ суеты, отъ міра отложиться, произнести монашества обѣтъ и въ тихую обитель затвориться»... Живя въ мірѣ, нельзя не погрузиться въ водоворотъ борющихся страстей и противоположныхъ интересовъ, нельзя не замутиль чистоту своей души житейской пошлостью и грязью, нельзя сохранить святость и безгрѣшность внутреннихъ переживаній. И Лиза убѣдилась въ этомъ на собственномъ опытѣ, когда ей послѣ пріѣзда жены Лаврецакаго пришлось подавлять въ своей душѣ «какіе-то горькіе, злые, е е самое пугавшіе порывы». «Выраженіе лица Варвары Павловны, ея хитрая улыбка, холодный и въ то же время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо возбуждали такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить и черезъ силу протянула ей руку» (356 стр.). Между тѣмъ раньше Лиза не могла понять, какъ Лаврецкій могъ такъ строго осуждать свою жену. Впервые ея души коснулось враждебное чувство къ человѣку. Она поняла, что среди житейской сутолоки ея нравственному идеалу угрожаетъ серьезная опасность. «Отзываетъ меня что-то, говорила она; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться навѣкъ», и несмотря на противодѣйствіе родныхъ, Лиза «постриглась въ Б—мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи» (389 стр.). Такъ выполнила Лиза свой нравственный долгъ. Это не было внѣшнее велѣніе, чуждое ея природѣ и наложенное на нее со стороны; нѣтъ! оно шло изъ ея внутренней

природы, изъ глубины подсознательнаго «я», было осознано и оправдано долгими и глубокими размышленіями и окончательно закрѣплено суровыми жизненными испытаніями. Поступая въ монастырь, Лиза совершала необходимый и въ то же время вполнѣ свободный актъ религіозно-этического самоопредѣленія, придающій всему ея духовному облику высоко-эстетическую законченность и цѣльность и обезпечивающій за нимъ непреходящее обаяніе. Словно причисленная къ лику святыхъ, Лиза излучаетъ краткое сіяніе на душу всякаго, кто къ ней подходитъ, и безмолвно говоритъ о «вѣчномъ значеніи временной жизни» человѣка. Она отреклась отъ грѣховной чувственно-плотской любви, вносящей въ жизнь раздѣленіе и вражду, и посвятила себя на служеніе иной, мистической любви, объединяющей всѣхъ въ Богѣ. «Любить ближняго не значить только цѣликомъ отдаваться ему, служить, помогать и поддерживать? Любить своего ближняго въ непоколебимыхъ глубинахъ — это значить любить то, что есть вѣчнаго въ другихъ, ибо ближній главнымъ образомъ тотъ, кто наиболѣе приближается къ Богу, т.-е. къ тому, что есть наиболѣе добраго и чистаго въ человѣкѣ» (Метерлинкъ, т. III, стр. 104). Иногда говорятъ, что Лиза не сдѣлала ничего полезнаго для другихъ, что она спасала лишь с в о ю душу. На это я позволю себѣ отвѣтить словами Метерлинка. «Никто не можетъ изобразить могущества души, которая старается жить въ атмосферѣ красоты и которая дѣятельно прекрасна въ самой себѣ» (т. III, стр. 112). «Прекрасная вещь не умираетъ, не очистивъ чего-нибудь. Нѣтъ красоты, которая бы погибла. Нечего бояться сѣять ее по дорогамъ. Она будетъ лежать недѣли, годы, но не измѣнить своихъ качествъ, какъ и брилліантъ, и наконецъ кто-нибудь пройдетъ мимо, увидитъ ея блескъ, подниметъ и пойдетъ дальше осчастливленный» (111 стр.). «Возможно, что ничто не измѣняется въ видимой жизни. Но развѣ только это важно, и развѣ мы дѣйствительно живемъ только въ поступкахъ, которые можно взять въ руки, какъ булыжники съ большой дороги? И если вы спросите себя, какъ намъ совѣтуютъ спрашивать каждый вечеръ: «что я сдѣлалъ сегодня необыкновеннаго?» — развѣ вамъ придется прежде всего искать среди поступковъ, которые можно сосчитать, взвѣсить и измѣрить безошибочно? Можетъ случиться, что вы проливали слезы исключительной жалости, наполнили чье-нибудь сердце необычайной увѣренностью, с д ѣ л а л и ж и з н ь в ѣ ч н о й д л я к а к о й - н и б у д ь д у ш и, и никто не замѣтилъ этого, и сами вы не знали. Можетъ быть, высшая цѣль жизни и заключается въ томъ, чтобы возродить необъяснимое въ насъ» (94—95 стр.).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Шабліовскій.